

—

Ян Цзяшэн поспешно вскочил и подобрал телефон, проверяя, не треснул ли экран. Сюй Шуньхэ отозвался:

— Да брось, ничего ему не будет. Старая рухлядь, сколько лет уже со мной.

Телефон и вправду выглядел видавшим виды — потертый, древний. Сюй Шуньхэ забрал его, спокойно протер салфеткой, и Цзяшэн решил, что секундное замешательство босса ему просто почудилось.

— Когда целыми днями в лавке торчишь и на солнце не выходишь, волей-неволей побелеешь, — добавил Сюй Шуньхэ.

— А почему же я не побелел? — Ян Цзяшэн вытянул руку, рассматривая её под лампой.

Крепкие мышцы, кожа цвета спелой пшеницы — в нем бурлила молодая кровь и сила, закаленная долгим трудом. Сюй Шуньхэ мельком взглянул на его руку и быстро отвел глаза:

— Ты стал гораздо светлее, чем когда только пришел.

Ян Цзяшэн убрал руку. Его не особо заботил цвет кожи, просто он считал, что Сюй Шуньхэ такая белизна идет, — сказал и забыл. Но спустя пару чашек чая Сюй Шуньхэ вдруг снова заговорил:

— Взрослому мужчине нехорошо быть слишком светлым. Лучше быть немного загорелым.

Ян Цзяшэн искренне удивился:

— А по-моему, тебе очень идет.

Сюй Шуньхэ опешил:

— Не мели чепухи.

— Да я правду говорю, — буркнул парень, почесав затылок.

Сюй Шуньхэ криво усмехнулся и поспешил сменить тему:

— Привык уже к лету в Наньчжоу?

— Да нормально, — пожал плечами Цзяшэн.

— Летом с кондиционером еще куда ни шло. Вот зимой в Наньчжоу гораздо хуже — сыро и холодно, — Сюй Шуньхэ вяло поддерживал беседу, как вдруг спросил: — Домой-то звонил?

Может, вопрос и был праздным, но Ян Цзяшэн запнулся и покачал головой. Сюй Шуньхэ подлил ему чая и мягко заметил:

— Позвони домой, когда будет время, или напиши сообщение. Расскажи, чем ты занимаешься в Наньчжоу, где живёшь и как у тебя дела. Деревня-то твоя далеко, а ты ещё так молод; твоя семья будет за тебя волноваться.

Ян Цзяшэн никогда не рассказывал о своей семье другим — лень было объяснять. Но поскольку собеседником был Сюй Шуньхэ, Ян Цзяшэн не мог ничего не сказать:

— Дедушки с бабушкой больше нет. Больше за меня в этой семье никто не переживает.

Сюй Шуньхэ замер.

Ян Цзяшэн плохо умел организовывать свои мысли и не знал, как объяснить долгую историю своей семьи. В конце концов он просто сказал:

— Меня воспитывали бабушка и дедушка. В детстве я мало времени проводил с родителями. Я не близок с ними, как и со старшими сестрой и братом.

— Я тоже не очень близок со своей семьей, — с улыбкой отозвался Сюй Шуньхэ.

Ян Цзяшэн так и думал. Он проработал в «Обещаю, вам понравится» почти два месяца и почти никогда не видел, чтобы Сюй Шуньхэ пользовался голосовыми сообщениями в WeChat, никогда не видел, чтобы он общался с кем-либо по видеосвязи, и никогда не слышал, чтобы он звонил своей семье.

Ян Цзяшэн не стал спрашивать Сюй Шуньхэ, почему тот не близок со своей семьей. В большой семье всегда полно людей, а в многочисленной семье неизбежны всевозможные конфликты. Как и в его семье, где много детей, родители не обязательно любят каждого ребенка одинаково и не обязательно испытывают симпатию ко всем детям.

Ян Цзямао гораздо лучше умел завоевывать сердца своих родителей. Он был одаренным в учебе, красноречивым и всегда улыбался. В отличие от него самого, который всегда был угрюмым, вспыльчивым, неуклюжим и неприступным. Когда родители возвращались в деревню, он не бросался им навстречу с радостью, как другие дети. Вместо этого он тихо стоял у двери, внимательно разглядывая их с головы до ног. Родители бормотали себе под нос, что их ребенок относится к ним как к чужим, словно вор ворвался в их дом.

Но у Сюй Шуньхэ хороший характер, он всегда улыбается, привлекателен, аккуратен и чисто плотен, и хорошо заботится о людях. Как же такой человек может не быть близок к своей семье? Цзяшэн не понимал. Но он не осмелился спросить.

Ян Цзяшэн не просто не звонил домой; он не отвечал на их звонки. Родители заваливали его сообщениями в WeChat: он отвечал парой слов, чтобы знали, что он живой, а остальное игнорировал.

Мать писала, что они уже выбрали плитку для дома, нужно внести задаток — десять тысяч юаней. Семья может внести свою лепту, и стоимость плитки можно будет вернуть в конце года, но задаток нужно будет внести до доставки плитки. Первоначальное строительство этого дома уже истощило скудные сбережения его родителей, и теперь всей семье нужно было работать вместе, чтобы его достроить. В конце концов, дом-то братьям останется! Даже если в долги влезут — вдвоем потом отдадут, делов-то.

Ян Цзяшэн в ответ спросил: «У Ян Цзямао работа приличная, госструктура, у него что, денег нет?»

Отец прислал яростное голосовое: «Твой брат каждый месяц по три тысячи за машину платит! Откуда у него лишние деньги?»

Ян Цзяшэн был слишком ленив, чтобы спорить. Машиной пользовался Ян Цзямао, разве не в его обязанности входило выплачивать кредит? Неужели он ожидал, что его младший брат, живущий за тысячи километров, тоже будет его платить?

Мать не унималась: «Чужбина — дом не родной. Мы с отцом двадцать лет по городам мотались, а всё равно в деревню вернулись. Сейчас ты молодой, не понимаешь, а как придет пора возвращаться — будешь жалеть, что дома нет! Как ты женишься собрался без жилья? Где ты будешь жить, когда состаришься?»

Ян Цзяшэну надоело ходить по кругу, и он отрезал: «Денег нет. В лавке получаю две-три тысячи, за жилье платить надо, есть надо. Еще долги за прошлую квартиру остались. Дайте мне пару тысяч юаней, чтобы погасить долг».

Ян Цзяшэн знал только один трюк, и он всегда работал безотказно: как только у него просили денег, он начинал просить в ответ. Это никогда его не подводило. И действительно, родители несколько раз отругали его, а затем замолчали.

Цзяшэн думал, что на этом всё, но через пару дней позвонил его односельчанин — Ян Гочжуан. Сказал, что мать Цзяшэна просила его проведать парня. Ян Цзяшэн сразу почувствовал неладное, но Гочжуан был порядочным парнем. Он заступился за него, когда тот подрался с шурином прораба, поэтому Ян Цзяшэн не мог слишком резко отказать и назвал ему адрес лавки.

Лавка была недалеко от стройки — всего пять-шесть остановок. Тогда Ян Цзяшэн пришел сюда пешком со своим рюкзаком, просто шел по улицам, осматривая каждый магазин, чтобы узнать, есть ли там вакансии, пока не наткнулся на «Обещаю, вам понравится».

Ян Гочжуан приехал довольно рано, около девяти часов. Остановившись перед лавкой, он огляделся и поздоровался с Ян Цзяшэном:

— Ну и чистота у вас! Красота!

К девяти почти всё раскупили, осталось только несколько маньтоу и два баоцзы, которые Сюй Шуньхэ отложил себе на завтрак. Узнав, что это земляк Ян Цзяшэна, он тут же выложил их на тарелку:

— Угощайся.

Гочжуан, парень с большим аппетитом, уплел всё за милую душу:

— Вкуснотища! Босс, у вас баоцзы — во! — он восторженно показал большой палец.

Сюй Шуньхэ лишь улыбнулся и подтолкнул Ян Цзяшэна:

— Я сам тут приберусь, всё равно утро закончилось. А ты и твой земляк идите и выпейте чаю.

Ян Цзяшэн понятия не имел, как заваривать чай. Он безучастно уставился на поднос и чайную посуду перед собой, затем, подражая Сюй Шуньхэ, высыпал чайные листья в чайник и залил горячей водой.

Ян Гочжуан взглянул на Сюй Шуньхэ и прошептал:

— У твоего босса действительно хороший характер.

Ян Цзяшэн кивнул.

— И в лавке уютно, гораздо лучше, чем строительная площадка, — продолжал Ян Гочжуан.

Ян Цзяшэн снова кивнул и подвинул ему чашку. Ян Гочжуан усмехнулся:

— Я так долго живу в Наньчжоу, и даже не научился пить чай так, как местные жители. Вы закрываете лавку так рано утром? В обед не торгуете?

— К девяти обычно всё разбирают. Потом уборка. В обед не работаем — босс говорит, после ночной смены сил на вторую партию не остается.

Ян Гочжуан цокнул языком:

— Эта работа действительно легкая. Утром уже делать нечего, но нужно вставать очень рано и ложиться очень рано. В восемь часов все как раз собираются выпить чего-нибудь, чтобы расслабиться, а тебе нужно ложиться спать. После окончания работы в середине дня не с кем поговорить, все заняты.

Сюй Шуньхэ говорил Ян Цзяшэну то же самое: те, кто делает завтраки, ведут иной образ жизни, чем все остальные. Рано или поздно со всеми друзьями теряешь связь.

Для такого человека, как Ян Гочжуан, у которого повсюду друзья и который каждый день после работы ходит выпить с ними, жизнь Ян Цзяшэна была невероятно монотонной.

— Слушай, — Ян Гочжуан понизил голос, — того прораба уволили. Не знаю, что там стряслось, на прошлой неделе поперли его. И тот ублюдок, с которым ты сцепился, тоже ушел. Не хочешь на стройку вернуться?

—

<http://bllate.org/book/17131/1600660>